

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА, СЛУЧАЙНО?

Евгений Александрович Ямбург,
директор Центра образования № 109 г. Москвы,
член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук

«Бал – это система!»

Э. Герштейн

Расчищать и высвобождать погребённый в душе опыт — это, вне всякого сомнения, внутренняя сокровенная работа каждого отдельного человека, вне зависимости от количества прожитых лет. Самостроительство личности никому нельзя передоверить. Что может сделать в этом направлении школа, когда даже вековая народная мудрость весьма скептически относится к попыткам внешнего облагораживания некоторых образчиков человеческой породы: «К дубу вишню не привьёшь», или в другом дендрологическом варианте: «От осинки не родятся апельсинки»? Эти вопросы ставит и пытается на них ответить автор, полемизируя с самим собой с привычной иронией¹.

- педагогические традиции • эстетика бала • семейные ценности
- выход из хаоса

Аристократическая позиция как осознанное противостояние продолжающейся деградации всех социальных слоёв, помимо прочего, внешне проявляет себя в определённой эстетике. Когда М.А. Булгаков облачается, как пишет современник, «в лихо отглаженную чёрную пару» и вставляет в глазницу монокль — это не только каприз, желание выделиться или своим внешним видом подтвердить литературный успех. Это ещё и позиция человека, не принимающего всеобщего смещения.

— Предлагаешь насаждать безвозвратно канувшие в прошлое традиции и манеры поведения?

— Почему бы и нет?

— Ты не один такой умный. Его величество гламур уже давно оседлал тягу нуворишей к внешним проявлениям аристократического лоска и получает неплохие дивиденды за эксплуатацию комплексов неполноценности новых русских. Достаточно увидеть на экране телевизора до боли знакомые лики бывших «быков» начала девяностых, чуть «облагороженных»

¹ См. также статьи автора: «Долгий путь к диалогу» (НО. 2010. № 7); «Школа и ее окрестности» (НО. 2010. № 9); «Штопаю ранения души (между ремонтами)» (НО. 2010. № 10); «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»? (НО. 2011. № 1); «Шаги командора. Трагифарс» (НО. 2011. № 4); «Когда я снова стану маленьким, а мир опять большим и праздничным»? (НО. 2011. № 5); «Реальти-педагогика: специальный курс» (НО. 2011. № 9).

сединой, бабочками и смокингами и считающих хорошим тоном принимать участие в Венских балах и дворянских собраниях.

— Царь Мидас своим прикосновением превращал всё в золото, но многие наши политические и общественные деятели едва прикоснутся к чему-либо — глядишь, полезла невыносимая пошлость. Скажи мне, какие ценности ты исповедуешь, и я скажу, что у тебя получится из той или иной затеи.

— Не убеждает.

— Объясняю на свежем примере. Недавно страна в целом и школа в частности отпраздновали шестидесятипятое десятилетие победы в Великой Отечественной войне. Это был целый каскад театрализованных представлений, звучали стихи Симонова, Твардовского, Суркова, песни военных лет. Особенно трогательно выглядели младшие школьники. В гимнастёрках и пилотках юные актёры лихо отплясывали, убеждая переполненный зал в том, что они действительно «парни brave, brave, brave...». У зрителей — а это и прабабушки, и прадедушки школьников — на глазах слёзы, дети же... У детей, хочется верить, было своё переживание этого события.

— Не сомневаюсь, всё, что делается от души, в равной степени оказывает эмоциональное воздействие на малых и старых. И совсем другое дело, когда «красную» дату календаря отмечают с поправкой на вкусы толпы. В самом деле, почему бы для повышения рейтинга телепередачи не добавить в пионерские мизансцены чуточку гламура и щепотку лёгкого эротизма? И тогда девушки из «фабрики» в мини и хорошо подогнанных гимнастёрках, подчёркивающих их силиконовые формы, будут инсценировать военную песню в новой игривой аранжировке, а кумир попсовой молодёжи с картонной медалью «За отвагу» на груди передвигаться по сцене, имитируя лунную походку Майкла Джексона, волнообразными движениями таза «усиливая» впечатление от слов: «Ты меня

ждёшь и у детской кроватки не спишь». Это и есть заигрывание с хамом.

— В продолжение — впечатления прошлого лета. В оздоровительном лагере читаю лекции педагогам. В перерыве выхожу на территорию и вижу отряд примерно десяти-одиннадцатилетних детей. Руководитель, как было заведено ещё во времена моей вожатской юности, поддерживает бодрый настрой воспитанников речёвкой. Но современный молодой человек не пользуется архаичными текстами типа: «Кто шагает дружно в ряд? — Юных ленинцев отряд!». Он берёт старую форму, наполняя её новым содержанием: «Гоп-стоп», — возглашает вожатый. «Мы подошли из-за угла!» — дружно откликаются жизнерадостные дети. И далее по тексту известной песни Розенбаума. Не выдержав, я обратился к нему с бестактным вопросом: «Что у тебя, старик, с головой?» «А что особенного? Детям нравится», — прозвучал невозмутимый ответ «воспитателя» новой формации.

Эстетика бала

— Что ж, дамба прорвана, и в том месте, где мы стоим, потоками разливается хаос. Но если мы миримся с наступающим хамством, то вина за это ложится только на нас! Поэтому давно пора прекратить сетовать на всеобщую деградацию и приступить к исполнению своих прямых обязанностей. Тем более, до начала навязшего в зубах разговора о всеобщем падении нравов мы вскользь обмолвились о стремлении «новых русских» пообтесаться с помощью бальных танцев. Эстетика бала якобы позволяет привить хотя бы некоторые ростки аристократизма к дикому древу масскульта.

— Почему якобы? Год от года я всё больше убеждаюсь в том, насколько такие вечера облагораживают молодых людей.

— Что ж, поговорим о балах или о том, как сшивается тонкая педагогическая материя.

Подготовка поначалу не обходится без административного нажима. На первых порах, пока молодые люди не войдут во вкус, репетиции ведёт балетмейстер в паре с грозным завучем. А как иначе заставить старшеклассников раз в неделю из месяца в месяц репетировать полонез, вальс, мазурку и прочие старорежимные, далёкие от современной молодой эстетики танцы. Для многих это воистину подвиг.

Старая, как мир, педагогическая канитель: сначала принуждение — затем увлечение. Безусловно, на одном принуждении педагогическое здание не построишь, только нажимом традиции не создашь. Их выращивание требует терпения и изобретательности.

Наши балы выросли из пушкинского, приуроченного к юбилею поэта. Тогда впервые старшеклассники почувствовали его торжественную приподнятую атмосферу, и она не вызвала у них отторжения. Напротив, возникло желание каким-то образом закрепить успех. Успех — ключевое педагогическое понятие, тот рычаг, с помощью которого можно поднять на коллективное творческое дело всех без исключения воспитанников. Стилистика бала такова, что в отличие от спектакля, в котором заняты по большей части те, у кого есть склонности и способности к лицедейству, бал позволяет проявить себя каждому. Следовательно, и успех разделяют поровну абсолютно все участники. А когда результат превосходит ожидания, появляется вполне естественное в юности желание ещё раз ощутить вкус победы. Как этим не воспользоваться? В тот юбилейный пушкинский год и решено было заложить традицию балов.

Забавно наблюдать первые репетиции полонеза. Не самый сложный танец, но и он многим даётся с трудом. Не ошибиться, с какой ноги начинать движение, не припадать на неё, как хромая утка, держать прямо спину, наконец, сменив демократичные кроссовки на высокие каблуки, научиться не терять на них равновесие — преодоление всех этих препятствий поначалу выглядит комично, вызывая добрый смех и взаимные шутки. Никто не обижается. Постепенно появляются и необходимая статность, и чувство ритма.

Все выпускные классы открывают бал торжественным полонезом. Есть группа выпускников, учившихся в нашей школе бальным танцам, руководит которой главный балетмейстер бала Андрей Юрченко. У них за плечами победы во всероссийских и международных конкурсах, их сольные номера — украшение бала, но сначала и они встанут в общий полонез.

Теперь о взрослых. Было бы странно, затевая такой грандиозный праздник, самим выступать исключительно в роли блюдущих порядок надсмотрщиков. Дополнительные краски праздника, его значительная духовная составляющая — это участие педагогов и родителей. Учительский полонез — такая же неотъемлемая часть бала, как полонез ученический. А потому педагоги, включая директора и его заместителей, собираются на свои репетиции.

Эстетика бала предусматривает свой стиль или, как говорят сегодня, *дресс-код*: вечерние платья для женщин, строгие костюмы или смокинги для мужчин. А где, спрашивается, при нашей опрошенной жизни учительницы могут появиться в вечернем наряде? На светские рауты их не приглашают, в театры большинство прибегает с работы, в джинсах и кроссовках. Зато на бал учительница может явить себя в эффектном праздничном убранстве. Разумеется, дело не столько в туалетах, сколько в чувстве самоуважения и повышенном жизненном тоне.

Сценарий бала

Год от года сценарий бала усложняется. Педагоги уже не хотят довольствоваться только торжественным общим выходом в полонезе, но жаждут сольных номеров. В самом деле, чем они хуже выпускников? Так появляются танго завучей, чарльстон классных руководителей, директорский менуэт и другие танцевальные

изыски, неизменно вызывающие общий восторг. Бедный наш балетмейстер Андрей Юрьевич — каждый год ему приходится изощряться в постановке сольных учительских номеров, поскольку они никогда не повторяются. Удивлять искушённых зрителей с каждым разом все сложнее, учитывая возраст, спортивную форму и танцевальную подготовку солистов. Но скидок он нам не даёт, и правильно делает, ибо учитель, выступая в любом амплуа, в глазах воспитанников не должен выглядеть неумелым и жалким.

Искренность и энтузиазм организаторов бала рано или поздно должны были передаться родителям. Так и случилось, ведь у многих из них в школе учился не один ребёнок. Побывав на празднике у старших детей, почувствовав его незабываемую атмосферу, они принимают условия игры и готовы в неё включаться. Так рождается ещё один полонез: родительский. Поздними вечерами, после окончания рабочего дня солидные, обременённые житейскими заботами взрослые люди собираются на репетиции. А дальше, как и следовало ожидать, входят во вкус, не останавливаются на одном танце, но требуют сольных номеров.

Семейные ценности

Трогательно и одновременно торжественно выглядит венский вальс, когда пары составлены по семейному принципу: папы с дочерьми или мамы с сыновьями. Для нас, педагогов, это лишь один из балов в череде проходящих лет. Но для отца, вальсирующего с дочерью на паркете при ярком свете софитов, это миг счастья. Освоить фигуры венского вальса не так уж сложно; гораздо важнее — выстроить педагогическую мизансцену, позволяющую родителям и их повзрослевшим детям почувствовать и молча, взглядом, выразить взаимное восхищение. Это ли не культивирование семейных ценностей?

Великие бабушки

Накануне последнего бала мама одного из выпускников обратилась ко мне с просьбой: «Вы не будете возражать, если вместо меня в полонезе с внуком пройдёт его бабушка»? Забегая вперёд, скажу, что на празднике именно она привлекла к себе наибольшее внимание и вызвала всеобщее восхищение. Красивая седая женщина с лицом благородной лепки и яркими выразительными глазами... Она появилась в зале в вечернем платье, длинных, по локоть, перчатках и фамильных драгоценностях. Рядом с ней даже несколько угловатый внук выпрямил спину и выглядел лордом. Дальше можно не продолжать...

Но эта удивительная бабушка не первая из пожилых женщин, оказавших нам великую честь своим живым непосредственным участием в празднике. Память и чувство невосполнимой утраты диктуют необходимость вспомнить ещё об одной.

Ушёл из жизни замечательный педагог и светлый человек — Валентина Дмитриевна Жукова. Девушкой в качестве военного переводчика она прошла Великую Отечественную войну. Школа называла её всеобщей бабушкой. В свои 88 лет (!) она вела уроки немецкого языка, руководила музеем Боевой славы, организовала шефство школьников над ветеранами нашего микрорайона. Неугомонная, весёлая, стремительная Валентина Дмитриевна оставалась привлекательной женщиной. Белоснежная блузка с камеей, приталенный жакет, брюки и туфли на высоких каблуках — вот её ежедневная форма одежды. Ни тени уныния на лице, никаких жалоб на состояние здоровья. Ни один юбилей не обходился без её стихотворных поздравлений, адресованных коллегам. Что говорить, рядом с ней и те, кому перевалило за шестьдесят, чувствовали себя мальчиками и девочками. «Девчонки!» — обращалась она к убелённым сединами коллегам, поддерживая хорошее настроение окружающих

её людей. Жалеть себя, расслабляться, делая себе скидку на возраст при Валентине Дмитриевне было просто неприлично. Её веселье духа передавалось и школьникам, которые на молодёжном жаргоне именовали её *прикольной бабушкой*.

А ещё она блистательно переводила шутки. Много лет мы дружим со школой в Бремене, обмениваемся опытом в решении сложной проблемы совместного обучения здоровых детей и детей с ограниченными возможностями. Но ведь нельзя, принимая гостей, с утра до вечера заниматься обсуждением только профессиональных вопросов. Живое, непринуждённое общение невозможно без чувства юмора, а юмор, как известно, имеет специфические национальные особенности. Не зря же существуют определения: немецкий юмор, английский юмор и т.п. То, что каждая наша встреча с немецкими партнёрами превращалась в праздник, в значительной мере заслуга Валентины Дмитриевны. Взаимные шутки, основанные на игре слов и анализе тонких профессиональных ситуаций, неизменно вызывали сначала её залихватский смех, а через несколько секунд, после точного перевода, дружный хохот окружающих.

После сказанного стоит ли удивляться тому, что первой бабушкой, ставшей в полонез, была Валентина Дмитриевна Жукова. Вечернее платье, старинный немецкий веер... Она была первой, а заразительным, как показал опыт, бывает не только дурной пример.

Выдержать натиск внешнего мира

...Подходят к концу последние приготовления к балу. В поте лица трудятся декораторы из художественно-графических классов, закрепляя на окнах имитации старинной мозаики, примеряют парики и камзолы мажордомы, выверяются фонограммы, подгоняются по фигурам костюмы сольных пар...

Но вот — начало. В зале торжественно звучит полонез. Я оказался в группе родителей. «Вы только посмотрите, — с восторгом воскликнула одна из мам, — у ребят совсем другие лица!» Со смехом я объяснил первый закон педагогики: в хорошем рассоле любой огурец просаливается.

Ещё я думаю о том, как важно для педагога выдержать натиск внешнего мира, не сломаться, покорно принимая то, что над этим миром господствует. «Детям это не нужно, они этого не примут, нет смысла тратить силы и время, насаждая заведомо искусственные формы работы» — эти и подобные скептические замечания читаю в насмешливых взглядах своих более молодых коллег, занятых преимущественно маркетингом, бизнес-проектами и пиаром. И невдомёк им, что педагогика от века строится на романтически приподнятом отношении к жизни. Вы, господа, лжете. Это не детям, а вам не нужно то единственное, что осветляет жизнь, делает её по-настоящему полноценной. Романтически приподнятому отношению к жизни вы противопоставляете скептически приспущенное восприятие действительности. Потерять веру в человека и человечность — для этого большого ума не надо. Угасший взор, опущенные плечи, ранний износ, ужасное состояние, когда люди сами себя берут за шиворот и ведут на работу — всё это результат полного отсутствия интереса к жизни. С такими сотрудниками школе не поможет никакая самая новейшая техника. Наивное упрямое противостояние абсурду — вот главная, как модно сейчас изъясняться, педагогическая компетенция. Пусть даже наутро после бала карета вновь превратится в тыкву, а прекрасные лошади — в мышей.

Проверка на прочность

На следующий день — главное испытание, своего рода проверка на прочность всей педагогической конструкции. Нарастающее, по мере приближения к школе, беспокойство связано с картиной, что много лет подряд вызывала у меня досаду и стыд. Называние живописного холста — «После бала». Пугаться не стоит, в отличие от хрестоматийного сюжета рассказа Л.Н. Толстого, наутро никого не секли, но, признаюсь, такое желание возникало неоднократно.

Из года в год на площади перед школой оставались прежние воспитанники — не погодишь же, в самом деле, от стен альма-матер тех, кого выпустил из школы в предшествующие годы. Но роскошь человеческого общения оборачивалась наутро поистине батальным полотном. О поле, кто тебя усеял? Ясно кто — твои же выпускники прошлых лет. Окурки, банки из-под пива, шкурки от бананов, разбросанные по всей площадке — зримые следы полученного «аристократического» воспитания, неоспоримые материальные свидетельства «благоговейного» отношения к храму образования.

Чего стоят твои спектакли и балы, коль скоро через небольшой промежуток времени все педагогические усилия сводятся на нет, а привитые с таким трудом манеры легко уступают место стадным инстинктам. Можно, конечно, до бесконечности тешить своё профессиональное самолюбие блестяще проведённым мероприятием, где все срежиссировано до мелочей и просчитано по минутам. Но подлинные результаты в педагогике всегда отсрочены, и проверяются они на прочность спонтанными реакциями и автоматическим поведением, когда, как сказано у классика, мужчина, не задумываясь, пропускает вперёд женщину «с привычным тактом воспитанного человека». А тут окурки да шкурки — есть от чего прийти в смятение.

Однако не зря бывалые люди утверждают, что в России надо жить долго. Стоило, подобно былинному персонажу, отсидеть на одном месте (рабочем) тридцать с лишним лет, чтобы увидеть иную картину, внушающую сдержанный педагогический оптимизм: абсолютная чистота на всей площади перед школой.

В пьесе Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» есть персонаж: девушка-посудомойка в поселковой столовой. В столовую ведёт асфальтированная дорожка, но посетители упрямо проламывают забор и идут кратчайшим путём. Каждый день девушка прибывает дощечку на место со словами: «Когда-нибудь

они должны привыкнуть». Между тем привыкание само по себе не происходит, кто-то должен взять на себя этот неблагодарный сизифов труд. Миф о Сизифе представляется мне метафорой культуры. Какая разница: ежедневно прибывать дощечку или катить в гору камень, заведомо зная, что с вершины он скатится к её подножью. В нашем случае в качестве строительных материалов культуры были использованы дерево, камень и даже бронза.

Выход из хаоса

Три десятка лет ушло на выращивание традиций школы, прежде чем они воплотились в окружающем её пространстве. Когда-то на спектакль, посвящённый его жизни и творчеству, приезжал Булат Окуджава. Он ушёл из жизни, но вернулся в эту школу памятником работы замечательного скульптора Г. Франгуляна. Деньги на бронзу собирали несколько поколений выпускников. (За работу мастер не взял ни копейки.) Бронзовая скульптура не сочеталась с асфальтовым покрытием, поэтому пришлось замостить площадь перед школой каменной плиткой. Периметр школьного ограждения украшают деревянные постеры, на которых ученики художественно-графических классов изобразили сюжеты из стихов и песен поэта. Той же тематике посвящены огромные баннеры, закрывшие безобразную стену, ограждающую кооперативные гаражи напротив школы. С момента открытия памятника прошло уже четыре года, но баннеры за пределами охраняемой территории никто не тронул, включая фанатиков граффити.

— Выходит, что культура не так уж беспомощна?

— Да, только не стоит ждать быстрых результатов. Быстрые результаты в педагогике всегда обман, сказка для взрослых.

— А как же стремительно проводимая модернизация, сулящая прорыв в образовании?

— Поживём — увидим. Только сдаётся мне, наряду с модернизацией не стоит забывать об архаизации: возвращению к подлинным смыслам и ценностям культуры. В противном случае, поменяв местами цели и средства, мы рискуем превратить любые инновации в пародию.

— Главная цель для тебя, как я понимаю, выход из хаоса, высвобождение погребённого в душе качества личности на основе аристократической позиции.

— Не спорю.

— Ты же реалист, крепкий профессионал, и прекрасно осознаёшь недостижимость этой цели, по крайней мере, при жизни твоего поколения. Да и в отдалённой перспективе её достижение маловероятно. Открой глаза, никто вокруг, кроме недобитых идеалистов, Дон-Кихотов, даже не собирается двигаться в этом направлении. За три десятка лет добился чистоты вокруг школы — тоже мне достижение всей жизни. Проще дать указание дворнику. Смешно. До аристократической позиции здесь как до Луны. Скажи откровенно, у тебя хотя бы есть уверенность в том, что в следующем году, возвращаясь в родную школу, ты будешь иметь счастье лицезреть ту же идиллическую картину?

— Отвечаю по пунктам, начиная с последнего. Разумеется, никакой уверенности в педагогической победе, достигнутой раз и навсегда, у меня нет. Любые результаты в педагогике хрупки и невечны. Всё может случиться. Тем более что при усиливающейся миграции населения постепенно меняется социальный, культурный и демографический состав жителей микрорайона, окружающего школу. Сюда переселяются, в том числе, люди с иным национальным менталитетом, некоторые из которых не имеют достаточного опыта городской жизни. Интеграция их в городскую европейскую среду — отдельная сложная задача. Но тем зримее должны представлять неоспоримые преимущества налаженной бытовой культуры. Странно обижаться на недавнего выходца из аула, бросающего недоеденный апельсин на площадку перед школой, если точно также ведёт себя коренной москвич. Поэтому я продолжаю рассчитывать на педагогический эффект огурца, который просаливается должным образом

только в хорошем рассоле. Если не опускать руки, то с годами рассол этот будет становиться всё более насыщенным. Поверь, высокая и бытовая культура не существуют отдельно друг от друга. Не верю я в возвышенную духовность, царящую в школе, где противно войти в туалеты. Благоустраивать быт и утверждать аристократическую позицию — не взаимоисключающие, но сопрягаемые задачи.

Аристократическая позиция — это как линия горизонта, где земля сходится с небом. Понятно, что линия эта будет постоянно ускользать, таково уж её свойство. Но что с того? Как писал забытый ныне поэт М. Светлов: «Я бегу, желанием гоним/ Горизонт — уходит, я за ним». В переводе с поэтического слога на педагогический язык сказанное означает, что воспитатель должен ставить перед собой напряжённые цели — задачи. (Так их определял замечательный русский педагог, закончивший свою жизнь в эмиграции, С.И. Гессен.) Их неисполнимость не должна беспокоить, как не смущает недостижимость идеала, к которому, тем не менее, надо стремиться.

И наконец, о наивном донкихотстве. Здесь предлагаю пригласить к беседе нашего коллегу, который, на мой взгляд, имеет серьёзные основания высказаться на эту грустную тему. Ю.А. Айхенвальд — поэт, литературовед, отсидевший в 40–50-е годы, лишённый по политическим мотивам права преподавания даже в средней школе уже в относительно спокойное брежневское время: «Человеческая свобода состоит не в том, чтобы выбрать поступок, а, прежде всего, в том, чтобы выбрать действительность».

И властолюбивый прагматик выбирает свою действительность, где главные составляющие — интрига, сговор, удар; властолюбец убеждён, что сила солому ломит, и хочет всегда быть силой.

Интеллигент-скептик старается поставить свою действительность на прочную основу. Безнадёжность его не устраивает. Его реальность определяется закономерностями природы или истории, которые он пытается открыть или, как теперь стыдливо говорят, «смоделировать». В рассуждениях о чём бы то ни было он склонен использовать самоновейшие фундаментальные научные понятия. На сегодня это — «информация», «энтропия», «системность». Мир устраивается — и устроится! — умно и технократично. Разумеется, о рае на земле не стоит говорить, но сносно, по-человечески, люди, может быть, и сумеют существовать.

Есть ещё и кихотическая (от Дон Кихота. — *Е.Я.*) реальность: современный мир — это, прежде всего, мучительное сплетение добра и зла. В этом мире нужно решиться на свой собственный поступок ради отдельного человека или благородной идеи. Поступаться собой и помогать другим — вот что важно в этой действительности. *Ни сила сильных, ни знание законов природы не спасут, как уже ни спасали, всё увеличивающееся население земли от всё увеличивающихся по катастрофичности войн и социальных неурядиц* (здесь и в дальнейшем выделено мной. — *Е.Я.*)

Это реальность кихотическая, ибо наши понятия о последствиях добрых и злых поступков несовершенны, а наша преображающая способность недостаточна. Люди, живущие в этой действительности, как правило, не могут убедительно обосновать своих действий. С прагматиками, верными науке, они вступают в неразрешимый спор, а железнорукие властолюбцы всех политических лагерей их убивают.

Это вечные отщепенцы, бессильные сплотив мир, сделать свою реальность всеобщей и потому не нужные никому.

Тем не менее без их действительности обойтись невозможно: они совестливы, а *совесть — это не просто интуиция нравственного самосохранения, это пока всё ещё незадачливый зодчий будущего.*

Из этой действительности, а не из реальности интеллигента-скептика, не говоря о мире властолюбца, являются праведники, ибо действительность Дон Кихота — это действительность сострадания и милосердия.

Чем чаще и чем сознательнее человек существует в состоянии сострадательности, внимательности и такта, в состоянии, когда он мгновенно ставит себя на место другого и выбирает образ действий, учитывая этот опыт, тем вероятнее, что даже в припадке гнева он, в силу инерционного воздействия этого желательного и привычного состояния интеллигентности, сумеет усовестить себе подобного, не прибегая к расправе. Интеллигент, независимо от того, верит он в Бога или нет, постоянно вырабатывает себя; для этого ему нужны не одни житейские обстоятельства, но и духовный опыт истории и культуры. *Историческая память — это личная память интеллигента, это не просто пережитое и осмысленное, но и заново переживаемое и осмысляемое»². **НО***

² Вегетарианская эпоха. Серия «Антология выставивания и преображения». М., 2003. С. 49–50.